

Н. Н. ЯКОВЕНКО, Г. В. БОРЯК

РДОВАЯ АНТРОПОНИМИЯ
ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ
КАК ОТРАЖЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА
(по актам конца XIV—XVI в.)

Антропонимика принадлежит к числу вспомогательных научных дисциплин, сравнительно мало разработанных исторической наукой. Между тем именованя людей, являясь продуктом общественных отношений и отражая разнообразные факторы социального быта, могут предоставить исследователю ценный фактический материал для изучения важнейших процессов исторического развития общества.

Вопрос о значении антропонимии — своеобразного регистратора общественных явлений — для исторических исследований уже поднимался в историографии 60—70-х гг.¹ Значительные успехи достигнуты историками в области изучения личных имен и родовых прозваний Русского государства XIV—XVIII вв. как в аспекте общественных отношений,² так и в генеалогическом плане.³ Интересны наблюдения отдельных исследователей над взаимосвязью антропонимии и топонимии.⁴ Изучение же исторической антропонимии украинских земель до сих пор ограничивалось сугубо лингвистическими проблемами.⁵ Единичная попытка рассмотреть пути формирования украинской антропонимии в XVI в. на фоне различных общественных явлений, включая и социальную дифференциацию общества, была предпринята А. Белорусом, однако она оказалась неудачной: его статья содержит ряд фактических ошибок и поверхностных построений, неправомерно обобщающих материалы узкого региона.⁶

¹ См.: *Компан О. С.* Ономастика як допоміжна історична дисципліна // *Історичні джерела та їх використання.* Київ, 1966. Вип. 2. С. 54—66; *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 14—26; 36—44.

² *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974; *Масленникова Н. Н.* Опыт изучения крестьянских переходов в XVI в. по данным топо- и антропонимии // *Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР.* Вологда, 1976. Вып. 1. С. 22—36.

³ *Веселовский С. Б.* 1) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; 2) Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974; *Кобрин В. Б.* Генеалогия и антропонимика: (по русским материалам XV—XVI вв.) // *История и генеалогия.* М., 1977. С. 80—115.

⁴ См.: *Антропонимика* / Под ред. В. А. Никонова, А. В. Суперанской. М., 1970. Раздел «Взаимосвязь антропонимов и топонимов»; *Купчинский О. А.* Найдавніше слов'янські топоніми на Україні як джерело історико-географічних досліджень. Київ, 1981. С. 20—38.

⁵ Библиографию языковедческих работ по антропонимике см.: *Худащ М. Л.* 3 історії української антропонимії. Київ, 1977.

⁶ *Белорус А.* Про особові назви Західної Волині XVI ст. // *Архіви України.* 1970. № 3. С. 36—42.

В данной статье преследуется цель осмыслить эволюцию именованных феодалов Правобережной Украины (Волини и Надднепрянщины) конца XIV—XVI в. на фоне расслоения боярского военно-служилого сословия и оформления юридического статуса шляхетского феодального землевладения, а также отметить возможные направления использования данных антропонимики при изучении территориальной истории отдельных регионов Правобережья.

Ввиду отсутствия в источниках сводных реестров украинских феодалов XIV—XV вв. данные именованные проанализированы по разрозненным грамотам этого периода.⁷ При изучении фамилий землевладельцев XVI в. использованы концентрированные источники-списки: для Волини — переписи литовско-русского войска 1528, 1565 и 1567 гг.⁸ и присяжные реестры 1569 г. по Луцкому,⁹ Владимирскому¹⁰ и Кременецкому¹¹ поветам; для Брацлавщины — реестр пограничной сторожи 1529 г.,¹² реестр шляхты землевладельцев в описи Винницкого замка 1552 г.¹³ и присяжный реестр 1569 г.;¹⁴ для Житомирщины — описания Житомирского замка 1545 и 1552 гг.;¹⁵ для Овруччины — описание Овручского замка 1552 г. и налоговый реестр 1571 г.;¹⁶ для Киевщины в целом — налоговый реестр 1581 г.¹⁷

В процессе постепенного превращения личных имен в родовые — основу будущих фамилий украинских феодалов-землевладельцев — употреблялись три основные словообразовательные модели, на которые в дальнейшем мы будем ссылаться: 1) патронимическое именование на -ич, указывающее на кровную связь детей, внуков и т. д.

---

⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). СПб., 1846. Т. 1; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). СПб., 1863. Т. 1; 1865. Т. 2; Грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 г. / Собр. и пзд. под ред. В. Антоновича и К. Козловского. Киев, 1868; Архив Юго-Западной России (далее — Архив ЮЗР). Киев, 1913. Ч. I, т. 6; 1867. Ч. IV, т. 1; 1886. Ч. VII, т. 1; 1890. Т. 2; 1897. Ч. VIII, т. 3; 1907. Ч. VIII, т. 4; 1911. Ч. VIII, т. 6; Литовская метрика (кн. 2). Отд. 1, ч. 1: Книги записей. Т. 1 // Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1910. Т. XXVII. Стб. 1—818; Южнорусские грамоты / Собр. В. Розовым. Киев, 1917. Т. 1; Українські грамоти XV ст. / Підг. тексту В. М. Русанівського. Київ, 1965; Грамоти XIV ст. / Упор. М. М. Пещак. Київ, 1974.

⁸ Литовская метрика (кн. 4). Отд. 1, ч. 3: Книги публичных дел: Переписи войска литовского // РИБ. Пг., 1915. Т. XXXIII. Стб. 1—430, 431—1378.

⁹ Архив ЮЗР. Киев, 1861. Ч. II, т. 1. С. 4—17.

¹⁰ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волини. Киев, 1849. Т. 1. С. 19—27.

¹¹ Речь идет о списке лиц, не сложивших присяги, опубликованном М. В. Довнар-Запольским (Киевская старина. 1896. № 2. С. 56—59). Сам присяжный реестр Кременецкого повета неизвестен.

¹² Źródła dziejowe . . . przez A. Jabłonowskiego. Warszawa, 1894. Т. XX. S. 144. — Далее: ŹD.

¹³ Архив ЮЗР. Ч. VII, т. 1. С. 598—611.

¹⁴ ŹD. S. 101—105.

¹⁵ Архив ЮЗР. Ч. VII, т. 1. С. 122—152.

¹⁶ Там же. Ч. IV, т. 1. С. 35—49; ŹD, S. 25—29.

¹⁷ ŹD. S. 36—47.

с именем либо прозвищем основателя рода; 2) прозвище;¹⁸ 3) топоним¹⁹ на -ский (-цкий, -зский), образованный от топонима и определявший территориально землевладение феодала.

Указанные модели уходят корнями в древнерусскую традицию именования, которая отражала существенные детали общественного быта. Так, если топоним как детализирующий идентификационный член соотносился только с личными именами князей,²⁰ то патроним имел всесловный характер, охватывая разные социальные группы, однако неизменно указывая на кровную родовую связь индивидуума с конкретной ячейкой.²¹ В таком контексте прозвищем, по нашему мнению, определялся человек пришлый, не связанный узами рода, а поэтому означенный в социуме не по родовой принадлежности, а по индивидуальным приметам. Именно таким был состав наемных княжеских дружин,²² среди которых наследственная служба князю становится общераспространенной только к XIV в. (тогда же, кстати, складывается и понятие родовитости военно-служилых местных родов).²³ На этой, уже вторичной стадии развития дружинного сословия, перешедшего к фамильной вассальной зависимости от сюзерена-князя, которая особенно распространяется с раздачей дружинникам поместий в условное временное держание,²⁴ возникают именования смешанного типа: патронимы от прозвищ,²⁵

¹⁸ Природа имени-прозвища спорна. В частности, остается неясной его прикладная функция, если принять распространенную точку зрения, что все прозвища являются некалендарными «мирскими именами», возникшими сверх христианского имени, данного при крещении (*Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчества и фамилий. М., 1959. С. 5; *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 228; *Кобрин В. В.* Генеалогия. . . С. 81, 88, 92 и др.). Очевидно, указанный процесс был вторичным, а первично прозвища все-таки являлись апеллятивным определением личных свойств, происхождения и проч. (*Гуменюк Л. Л.* Нарис словотворчої системи української актової мови XIV—XV ст. Київ, 1958. С. 26; *Худаш М. Л.* З історії. . . С. 110).

¹⁹ Термин заимствован из работы: *Подольская Н. В.* Типовые восточнославянские топонимы: Словообразовательный анализ. М., 1983. С. 26.

²⁰ Ср. в «Повести временных лет»: Рогволод полотский, Болеслав лядский, Стефан оугрский, Андрих чешский (ПСРЛ. Л., 1926. Т. I (Лаврентьевская летопись). Стб. 75, 126).

²¹ *Купчинский О. А.* Найдавніші слов'янські топоніми. . . С. 25.

²² Ср. дружинников, упомянутых в «Повести временных лет»: Варяжко, Путьша Италец, Еловит Ляшко, Нерадец, Оулан, Колчко, Туряк, Торчин и др. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 76, 135, 206, 262, 268, 274). В пользу нашего предположения о возникновении имен-прозвищ именно в социуме, созданном на основе не родовых, а корпоративных связей, служит традиция замены имен на прозвания в рыцарских орденах, цеховых братствах либо, наконец, на Запорожской Сечи, где вместо родового имени новоприятый член получал прозвище на основе индивидуальных примет или происхождения.

²³ *Веселовский С. Б.* Исследования. . . С. 466, 467, 474, 476.

²⁴ Б. А. Рыбаков связывает оформление вассальных отношений на основе раздач поместий военным слугам с дроблением Руси на удельные княжества в XII—начале XIII в. (*Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и удельные княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 473, 477, 478).

²⁵ В данном случае принципиально важно различие собственно прозвищ и языческих личных имен. Так, в «Повести временных лет» патронимы от прозвищ отсутствуют, но патронимы от языческих имен изредка употребляются: Иван Творимирич, Иван Жирославич, Ставко Скордятич, Дмитр Иворович (ПСРЛ. Т. I. Стб. 154, 200, 247, 284).

указывающие на создание относительно новых родовых связей в военно-служилой среде.

Состав боярских родовых именовании, выявленных в грамотах Правобережной Украины второй половины XIV в. (всего 14 позиций),²⁶ представлен следующими типами.

1. Патроним от прозвища либо некалендарного имени: Иван Башкиртович, Васько Кирдеевич, Яцько Ланевич, Одурович, Яков Родунич, Хваткович (всего 6).

2. Прозвище: Васько Голый, Кривец Федоров²⁷ (всего 2).

3. Патроним от церковного имени: Васько Андриевич, Яхно Онисимкович, Андрийко Романкович, Есько Романкович (всего 4).

4. Топоним: Чюрило Бродовский, Иван Мстишинский (всего 2).

Иную структуру имеют княжеские именовании второй половины XIV в. (использована 21 позиция; не приняты во внимание князья — экспоненты грамот, обозначавшиеся, согласно с общепринятой практикой дипломатического акта, преимущественно по имени: «Се аз князь великий Дмитрий», «Се аз князь великий Федот»). Из указанного 21 наименования 11 княжеских имен дополнены топонимом, определяющим территорию удела, иногда с добавкой патронима-отчества: Иван Несвижский, Владимир Пронский, Юрий Глебович Белзский и проч. В остальных 10 случаях употреблено только имя и патроним-отчество без топонимического определения: Давид Дмитрович, Роман Федорович, Федор Данилович и т. д. Выбор последнего варианта, как правило, не случаен: им обозначены представители тех княжеских родов, которые ко второй половине XIV в. уже потеряли уделы и находились на служебном положении при великом князе литовском, а родовое прозвание по новым пожалованным вотчинам за ними еще не закрепилось.²⁸ Так, часто упоминаемый в грамотах конца XIV в. кн. Федор Данилович принадлежал к роду Острожских, которые начали последовательно выводить родовую фамилию по острожской вотчине и соответственно титуловаться только в начале XV в.;²⁹ кн. Михаил Евнутович — из рода Заславских, которые закрепили за своим именем данный топонимический

---

²⁶ В грамоте 1398 г. (Грамоти XIV ст. С. 134—135) упомянуто еще два имени (Семен с Кожок и Стефан Переломило), которые мы сюда не включаем, датируя данный акт XVI в.

²⁷ Патронимы на -ов, изредка встречающиеся в украинских актах XIV—XV вв., соответствуют по смыслу современному отчеству, а не родовому прозвищу в более широком смысле: например, «Перфурый сын Иванов внук Васьков Кирдеевича» (Южирусские грамоты. С. 75), в современном прочтении: Перфурый Иванович Кирдеевич; «попович болестрашицкий именем Деячкович Васплюв сын попов Кость прувизцем» (Грамоти XIV ст. С. 40), в современном прочтении: Кость Васильевич Дячкович.

²⁸ Аналогичные причины объясняют и незначительный процент употребления подобных княжеских наименований в XV в. В первой трети XVI в., как свидетельствует перепись литовско-русского войска 1528 г., никто из представителей княжеских фамилий так уже не обозначался.

²⁹ *Wolff J.* Kniaziowie Litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 343—344.

признак во второй половине XV в.,³⁰ кн. Роман Федорович — из рода Кобринских, названных так с середины XV в.,³¹ и т. д.

Таким образом, во второй половине XIV в. способы именования, сложившиеся в древнерусский период, еще не поколеблены: князья именуется по уделам, если таковые имеются, либо в неопределенно-почтительной форме по имени-отчеству, если они отсутствуют; представители военно-служилого сословия используют чаще всего прозвище как в прямом, так и в патронимичном варианте, реже — отменные патронимы общесословного типа. Из традиционного контекста выпадают два боярских имени-топоантропонима (Иван Мстишинский — 1366 г., Чюрило Бродовский — 1385 г.), указывающие, судя по смыслу грамот,³² не на место жительства, а на владельческий признак. Очевидно, в данном случае можно говорить о ранних проявлениях иммунного боярского землевладения на праве полной собственности, что послужило основанием для образования фамилий «по княжескому типу».³³ Несмотря на незначительное количество примеров, можно предполагать, что указанные выше именованья были не случайностью, а проявлением закономерности, подтверждением чему служит аналогичный состав имен галицкого боярства. Так, при особе Казимира III упоминаются следующие представители высшего боярского сословия Галиции: Ходько Бибельский, Хотко Яромирович, Васько Кузмич, Грицько Коссакович, Васько Кудринович, Глеб Дворскович, Ходько Лоевич, Юрий Лысый,³⁴ т. е. патронимов от прозвищ — 4, патронимов от имен — 2, прозвище — 1, топоантропоним — 1.

В конце XIV—середине XV в. в структуре феодальной иерархии, сложившейся на Правобережной Украине ко времени захвата ее Литвой, происходят значительные изменения, связанные в первую очередь со становлением феодального землевладения. После ликвидации Киевского и Волынского удельных княжеств в 80—90-х гг. XIV в.³⁵ формально исчезают владения «с полным правом и панством» на княжеском праве. Однако из многочисленных отпрысков русских и литовских княжеских родов формируется служилая прослойка, закрепляющая за собой вотчины-данины на праве безусловного владения по меркам еще недавних удельных традиций. С другой сто-

³⁰ Ibid. S. 587.

³¹ Ibid. S. 162.

³² Чюрило Бродовский выступает как наследственный владелец с. Бродова, уступая последнее кн. Федору Даниловичу, а Иван Мстпшинский (с. Мстишин) — как свидетель в договорной грамоте луцкого и владимирского князя Любарта Гедиминовича с Казимиром III; на его высокое сословное положение указывает полная форма имени (Грамоти XIV ст. С. 38, 64).

³³ О том, что в данном случае речь идет не о личном прозвании, а о фамилии, свидетельствует факт существования рода Бродовских до XVI—XVII вв. (*Полицкий И. И.* Указатель к изданиям Временной комиссии для разбора древних актов. Т. I. Имена личные. Киев, 1878, С. 58).

³⁴ *Линиченко И. А.* Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв. М., 1894. С. 61.

³⁵ Волынское и Киевское княжества с 1440 г. были восстановлены как уделы Ольгердовичей п Свидригайла и существовали соответственно до 1452 и 1471 гг.

роны, великокняжеская власть, усматривая в крупном боярстве опору в борьбе против сепаратистских тенденций, усиленно стремится задобрить его как земельными пожалованиями,³⁶ так и правовыми уступками, среди которых первостепенное значение имело юридическое закрепление наследственных прав на вотчинные владения. Внушительная серия правительственных привилеев конца XIV—XV в.,³⁷ основательно прокомментированных в историографии,³⁸ сводится в основных чертах к уравниванию в правах князей и бояр. И если в первых привилеях (1387, 1413 гг.) речь идет только о крупных боярах-вотчинниках, именовавшихся «бояры вельици, мужи старьи» (*barones, proceres, nobiles*), то впоследствии привилегии распространяются и на среднее служилое боярство (рыцарство, *milites, bojari*). Так, привилей 1432 г. провозглашает его адаптацию к польско-литовским гербам;³⁹ привилей 1434 г. говорит об уравнивании прав князей и служилого боярства на наследование отчинных земель,⁴⁰ а привилей 1447 г. окончательно уравнивает в правах владельцев родовых и выслуженных вотчин, если последние пожалованы одним из двух предыдущих великих князей, что следует «достаточным свитчюством. . . досвитчяти».⁴¹

Слияние полного (княжеского) и ленного (боярского) вотчинных прав вносит существенные коррективы и в так называемое «дочасное»⁴² землевладение средней боярской прослойки, различное по продолжительности сроков пользования. Система «дочасных данин»

³⁶ По наблюдениям Д. И. Мышко, в 30-е гг., т. е. в период особенно острой политической борьбы на украинских землях, было выдано наибольшее для XV в. количество жалованных грамот на имения (*Мышко Д. І. Соціально-економічні умови формування української народності. Київ, 1963. С. 46*).

³⁷ К ним относятся, в частности, общеземские привилеи Ягайла (1387, 1413, 1432 гг.), Сигизмунда Кейстуовича (1432, 1434 гг.), Казимира IV (1447 (1457?), 1492 гг.) и так называемые областные привилеи Волынской и Киевской земель, падание предположительно в 1452 и 1471 гг. (сохранились только их подтверждения 1501, 1509 и 1507, 1529 гг.).

³⁸ *Ясинский М.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; *Якубовский И.* Земские привилеи Великого княжества Литовского // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 4. С. 239—278; № 6. С. 245—303.

³⁹ *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 64.

⁴⁰ «. . . *praefati principes et bojari eorumque liberi legitimi omnia bona haereditaria et paterna pari jure obtineant*» (*Любавский М. К.* Очерк. . . С. 303. — Подчеркнуто нами). Толкование понятия «отчина» (*bona haereditaria et paterna*) в русско-литовском земельном праве дискуссионно; здесь мы принимаем определение М. К. Любавского, согласно которому отчиной считалось как давнее наследственное, так и выслуженное владение, оставшееся собственностью 2—3 поколений одной фамилии (*Любавский М.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута. М., 1892. С. 550—601).

⁴¹ Христоматия по истории русского права / Сост. М. Владимирский-Буланов. 2-е изд. Киев, 1880. Вып. 2. С. 27. — В XVI в. срок давности пожалования распространялся на княжения Витовта, Сигизмунда Кейстуовича и Казимира IV.

⁴² Имеются в виду земельные пожалования «до живота» (до двух животов), «до воли и ласки господарское», «до обаченья», «на пожнвенье» и пр.

практиковалась в Литве уже при Миндовге в середине XIII в.⁴³ Однако систематическая раздача земель при условии военной службы началась со времени Витовта, когда внешнее положение Великого княжества Литовского особенно обострилось, и продолжалась до тех пор, пока в руках великокняжеской власти оставались свободные земли, т. е. до начала XVI в.⁴⁴ Со второй половины XV в. «доčasные данины», юридически сохраняя условно-временный характер, на практике его теряют, все шире передаваясь по наследству. Это было вызвано в первую очередь распространением постепенно приобретающих силу давности держаний на ленном праве, которые наиболее полно отвечали заинтересованности государства в гарантии непрерывной военной службы с конкретного поместья.⁴⁵ Уравнение права собственности на родовые вотчины, выслуги и держания ускорялось под косвенным влиянием польского права,⁴⁶ проявившегося, в частности, в расширении боярских вольностей, объявленных в 1457 г. жалованной грамотой Казимира IV.⁴⁷

Со стабилизацией феодальной структуры общества менялся характер родовых именованний феодалов-землевладельцев. Нами рассмотрено таких именованний⁴⁸ XV в. для Волины — 184, для Киевщины — 55, для Брацлавщины — 21.⁴⁹ Их разновидности представлены в табл. 1 (каждый тип именованний дается в процентах к общему числу родовых имен по данной территории; проценты выведены округленно). Для Брацлавщины данное процентное соотношение на столь незначительном количестве имен, разумеется, весьма условно; оно подано здесь для возможного сравнения с данными XVI в., построенными на более обширном материале.

⁴³ Леонтович Ф. И. Правоспособность литовско-русской шляхты // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № 3. С. 56.

⁴⁴ Пичета В. И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии: (до конца XVI в.). Минск, 1927. Ч. 1. С. 63.

⁴⁵ Владимирский-Буданов М. Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, 1899. Кн. 3. Отд. 2. С. 91. — Определенную (но, по нашему мнению, не решающую) роль в этом процессе сыграло и отмеченное В. И. Пичетой развитие земледелия, стимулировавшее владельцев фиксировать свои родовые права на землю (Пичета В. И. История. . . С. 70).

⁴⁶ Издание Нешавского привилея 1454 г., суммировавшего предыдущие уступки королей среднему шляхетскому сословию, традиционно считается исходным пунктом создания «шляхетской демократии» в Польше (Historia Polski / Pod red. H. Łowmiańskiego. Warszawa, 1957. Т. 1, cz. 1. S. 605—606; t. 1, cz. 2. S. 170—171).

⁴⁷ Христоматия по истории русского права. С. 23—45.

⁴⁸ Подсчитывались не отдельные лица, а родовые (семейные) группы одного именованья, исключая княжеские. Абсолютную точность подсчетов, разумеется, нельзя гарантировать ввиду неопределенности звучания и сомнительности части использованных нами актов, однако погрешности не могут быть особенно велики.

⁴⁹ Территория Правобережной Украины в рассматриваемый период распалась на три составные части, которыми мы и оперируем в подсчетах: Волинскую п Киевскую земли (соответственно до 1452 и 1471 гг. — княжества, с 1566 и 1471 гг. — воеводства) и Восточное Подолье (с 1566 г. — Брацлавское воеводство). Последнее, занимая срединное положение между Волинской и Киевской землями, в актах XV—XVI вв. причисляется то к одной, то к другой земле.

Т а б л и ц а 1

Тип именованый	Волынь	Киевщина	Брацлавщина
Патроним от имени	16	27	33
Прозвище или патроним от прозвища	56	64	62
Топоним	28	9	5

Как свидетельствуют приведенные в таблице цифры, относительно неизменным (свыше половины) сравнительно с XIV в. остается количество прозвищ и производных от них патронимов. При этом характерно, что более высок процент прозвищ в именах центральных и восточных регионов Правобережья, в частности Киевщины. Это обстоятельство подтверждает наше предположение о дружинном происхождении именованый-прозвищ, закреплявшихся за потомками бывших дружинников,⁵⁰ так как в период дробления Руси наибольшие резервы конных дружин, наделяемых землей в условное временное держание, были в распоряжении именно киевского князя.⁵¹ Эти прозвища чрезвычайно устойчивы; именно они превращаются на протяжении XVI в. в устойчивые фамильные знаки: Горностай, Елец, Слупица, Скипор, Ворона (в XVI в. — Воронич), Рогоза, Пушка, Ущап (в конце XVI в. — Ущановский), Коркошко, Турчин, Чоп (в конце XVI в. — Чоповский), Вех (в конце XVI в. — Бехович) и проч. При этом для определения одного и того же лица может применяться как прямое прозвище, так и производный от него патроним,⁵² указывая при этом не на связь «отец—сын», а на принадлежность к конкретному роду, основоположником которого являлся первый носитель прозвища. Указанный двойной вариант именованый, трудно уловимый для XV в. из-за ограниченного количества актов и их преимущественно жалованной специфики, гораздо ярче прослеживается в массовом актовом материале о земельных тяжбах первой половины XVI в. Характерно, что прозвище как тип именованый, свойственный низшим феодальным слоям,⁵³ проникает в XV в. и в княжеские именованый служилых фамилий: Путята — ответвление Друцких, Курцевич — Ольшаницких, Кропотка — Смоленских, Лыко — Оболенских⁵⁴ и проч. По данным переписи литовско-русского войска 1528 г., представители украинских княжеских родов

⁵⁰ В каждой волости преимущественное право получения земли имел житель данной волости или повета, так что основной состав землевладельцев на определенных территориях был достаточно стабильным (*Владимирский-Буданов М. Поместное право. . .* С 86).

⁵¹ Рыбаков В. А. Киевская Русь. . . С. 478.

⁵² Напр.: Федько Боброк — он же Боброкович, Богуш Боговитин — Богуш Боговитинович, Васько Барсанович — его сыновья: Андрей и Яцько Барсаны (РИБ. Т. XXVII. Стб. 107, 109; Архив ЮЗР. Ч. VIII, т. 4. С. 79, 192, 193 и др.).

⁵³ Ср. аналогичное употребление некалендарных имен в русской феодальной антропонимии: *Кобрин В. Б. Генеалогия. . .* С 83.

⁵⁴ *Wolff J. Kniaziowe. . .* S. 14, 15, 185, 230, 405.

обозначены в 18 случаях через топоантропоним, в 4 — через прозвище.⁵⁵

Что касается степени распространения топоантропонимических владельческих именований, то, как видно из приведенных в табл. 1 цифр, она весьма диспропорциональна в различных регионах Правобережья. Если на Волыни из 184 боярских наименований 51 (27.7 %) к концу XV в. уже носит владельческий характер «по княжескому типу», то на Киевщине (Киев, Житомир, Овруч) эта пропорция составляет соответственно: 5 из 55 (9.1 %),⁵⁶ а на юге (Винница, Брацлав) — 1 из 21 (4.8 %).⁵⁷ Как показывает анализ земельных актов, за утверждением топоантропонима вместо прежнего прозвищного или патронимического именованя стоит, как правило, превращение держания (выслуги) в наследованную отчину,⁵⁸ что ускорялось, если выслуга была пожалована по вотчинной формуле «вечно и непорушнє». Так, Петро Мышчич в 1451 г. получает именно по такой формуле среди прочих имений с. Холонев, которое уже в 1459 г. делят его наследники Богдан и Дмитрий Холоневские Мышчичи.⁵⁹ В 1495 г. один из братьев (Богдан) получает «делницу» в Варковицах,⁶⁰ что стало основанием последующего разделения рода Мышчичей: волянские акты XVI в. пестрят упоминаниями о многочисленных представителях фамилий Мышек-Холоневских и Мышек-Варковских.⁶¹ Среди земельных данин Казимира IV — пожалование Ивашку Иевлевичу на с. Угринов. В 1489 г. его вдова уже именуется «Ивашковая Иевлевича Угриновская»; в период между 1489 и 1492 гг.

⁵⁵ РИБ. Т. XXXIII. Стб. 182—189.

⁵⁶ В том числе: Михайло Мошенский (в 1437 г. упомянут среди киевских приближенных кн. Свидригайла); Ларпоп Валевский (подтверждение кн. Олелька «на службу з боярами» из с. Валева, 1443 г.); Петро Шостовский и Тыша-Быковский («светки» при киевском державце А. Александровиче, 1491 г.); Булгак Белавский (1486 г.) (АЗР, Т. 1. С. 12; Архив ЮЗР. Ч. IV, т. 1. С. 3; ч. VIII, т. 3. С. 4, 158). К концу XVI в. сохранилась фамилия киевских землян Тыш-Быковских, остальные либо исчезли, либо раздробились, присвоив новые именованя. Так, уже в 1494 г. Мощны как выморочное имение подтверждены «за отчину» Ершевичам (Архив ЮЗР. Ч. VIII, т. 4. С. 113); Л. Валевский стал родоначальником нескольких родовых ответвлений овруцких бояр: Верповских, Гевевских, Левковских (Архив ЮЗР, Ч. IV, т. 1. С. 16).

⁵⁷ А именно Карп Иванович Микулинский, эксципиент данины на с. Почапинцы 1431 г. (Грамоты XV ст. С. 7). Микулинские в XVI в. именуются по-прежнему по Микулинцах (ZD. S. 101).

⁵⁸ Для крупных бояр, исконно владевших отчинами, топоантропоним как родовое обозначение по головному имени утверждается, очевидно, одновременно с новыми именованьями служилых князей, т. е. в первой половине XV в. Так, например, среди «светков» в жалованных грамотах Свидригайла 30—40-х гг. XV в. фигурируют бояре Федько Козловский, Федько Колодезский, Федорко Малинский, Михайло Мошенский (АЮЗР. Т. 1. С. 11, 12; Архив ЮЗР. Ч. I, т. 6. С. 8) и др. К таким же боярам можно отнести и упомянутого выше Карпа Микулинского.

⁵⁹ Архив ЮЗР. Ч. VIII, т. 4. С. 16, 18.

⁶⁰ РИБ. Т. XXVII. Стб. 563.

⁶¹ Перед нами характерный для XVI в. пример редукции патронима «Мышчич» к первичному звучанию прозвища «Мышка». Аналогичные изменения претерпевают в XVI в. прозвания: Русинович — Русин, Сенкютч — Сенкота, Сербинович — Сербин, Кордышевич — Кордыш и пр.

Угринов утвержден за слугой луцкого старосты Матвеем, который под именем Матвея Угриновского фигурирует во многих актах начала XVI в.⁶² Богдан Волчкович в 1456 г. получил на выслугу после некоего Нелюба с. Привередов — «боярское имение, а не тяглое», которое вторично подтверждено Волчковичам в 1484 г.; согласно переписи литовско-русского войска 1528 г., с этого имения «одним конем» служат потомки Богдана Волчковича — Грицко и Иван Привередовские.⁶³ В актах 1458 и 1488 гг. упоминаются владельцы с. Жоравников Васко Барсанович и его сыновья Андрей и Яцко Барсаны;⁶⁴ в переписи 1528 г. три коня с Жоравников выставляет Барсановая Жоравницкая, вдова Андрея Барсана. Приведенные примеры указывают, что на Волыни оформление родового именованья по топонимическому владельческому признаку утвердилось к началу XVI в. Об этом убедительно свидетельствует наличие множества топоантропонимов в переписи 1528 г. (ср. табл. 2), образованных от названий поселений, розданных или подтвержденных Казимиром IV. К сожалению, неизученность территориального состава отчин — стабилизировавшихся владельческих единиц, а также полная неустановленность движения выслуг и «дочасных» земельдержаний, особенно с учетом всех совладельцев данного поселения (сябров, участников, помежников, полечников и проч.), затрудняют установление связи между экспициентом данины XV в. и лицами, выставлявшими службу с этой данины в 1528 г.⁶⁵

К началу XVI в. наследственное «вечистое» землевладение значительно превышало условно-временное не только на Волыни, но и на Киевщине. Это подтверждается, в частности, данными ревизорского описания «А се волости князские и панские и землянские, яко отчизные, так и выслуги в повете Овруцком»,⁶⁶ в котором встречаются те же родовые именованья, что и в жалованных грамотах XV в. Среди названных в реестре 37 владельцев (не учитывая монастырей) исключительно отчинами владеют 24 лица, отчинами и выслугами, в том числе отцовскими, — 9, одними выслугами — всего 4 лица, причем трое из них — не киевские бояре.⁶⁷ Однако владельцы овруцких наследственных отчин в отличие от своей волынской «братей шляхецкое» не меняют прозвищ на топонимические владельческие

---

⁶² РИБ. Т. XXVII. Стб. 97, 437; Архив ЮЗР. Ч. VIII, т. 4. С. 226, 228, 354, 408, 409.

⁶³ АЗР. Т. 1. С. 72; РИБ. Т. XXVII. Стб. 406; т. XXXIII. Стб. 183—188.

⁶⁴ Архив ЮЗР. Ч. VIII, т. 4. С. 192, 193.

⁶⁵ Например, с. Смыков упоминается в данинах Казимира IV дважды как жалованное в разное время Юшку Девгяловичу и некоему Котлу (РИБ. Т. XXVII. Стб. 96, 110). Согласно переписи 1528 г., со Смыкова по одному коню выставляют Михно и Кмыта Смыковские, потомки одного из двух вышеупомянутых лиц, закрепившегося в наследственном владении на Смыкове, в то время как держание второго оказалось кратковременным.

⁶⁶ Опись Овруцкого замка 1552 г. // Архив. ЮЗР. Ч. IV, т. 1. С. 44—49. — В издании опись ошибочно датирована 1545 г.

⁶⁷ В их числе — кн. Дмитр Сенский из Белоруссии (*Wolff J. Kniazowie. . .* S. 456—457), а также волыньские земляне Роман Гостский и Томко Посеговецкий (РИБ. Т. XXXIII. Стб. 183—188).

фамилии,⁶⁸ несмотря на то что их «отчизные земли» издавна имеют наследственный характер, часть из них утверждена еще привилегиями Витовта.⁶⁹ По-видимому, здесь решающую роль сыграла традиция исконного дружинного прозвища, проявлявшаяся сильнее, чем на Волыни, и в связи с более высоким процентом прослойки княжеских дружинников — вассалов, о чем упоминалось выше, и в связи с тем, что Киевское княжество — окраинное в государстве — просуществовало на удельном статусе значительно дольше Волынского.

К концу XV—началу XVI в. в Великом княжестве Литовском активно развиваются государственно-правовые нормы частного и гражданского характера. Ликвидация последних удельных княжеств, введение единого административно-территориального деления, создание однотипных замковых и воеводских судов, действовавших на основе кодифицированного права — судебника 1468 г., вызывали необходимость идентификации личности правоспособных членов общества. Развитие юридических норм земельного права, в первую очередь права наследования и отчуждения владений, связывалось также с родовой принадлежностью, закрепленной в неизменном родовом прозвании — фамилии. Этого же требовала и предпринятая правительством регистрация лиц, «хто повинен службу земскую заступаты», впервые проведенная во время переписи литовско-русского войска 1528 г. и соответствовавшая официальному признанию шляхетского достоинства.⁷⁰ С введением судебных статутов 1529, 1566 и 1588 гг., созданием шляхетских земских судов «в одно ровное право. . . никого не выймути», учреждением выбора послов на валый сейм и, наконец, с освобождением шляхты правобережных воеводств, присоединенных к коронным землям, от земской военной службы⁷¹ стираются остатки правового неравенства между княжеско-магнатской верхушкой и рядовым служилым боярством, сумевшим утвердиться в сословных шляхетских правах. Таким образом, к началу второй половины XVI в. окончательно оформляется общий правовой статус шляхты-землевладельцев украинских земель и определяются единые сословные права господствующего класса, что стало завершающим звеном в утверждении фамилий как развитого института привилегированного сословия.⁷²

---

⁶⁸ Среди указанных отчинников можно назвать следующих: Суринович (в других актах середины XVI в. — Сурин), Дедко, Павша, Елец, Коркошко, Философ, Владыка, Семашко, Котошевич, Полозович, Аксак, Кисель и др.

⁶⁹ Архив ЮЗР. Ч. IV, т. 1. С. 11, 17, 22, 64 и др.

⁷⁰ Значительную роль в процессе обособления шляхетства как сословия сыграла Устава 1522 г. «О выводе шляхетства», основные положения которой подтвердил Первый Литовский статут 1529 г.

⁷¹ Бельский привилей 1564 г. и Виленский привилей 1565 г. // *Временник Моск. о-ва истории и древностей российских* 1855. Кн. 23. С. 7, 11—13; *Люблинский привилей 1569 г.* // *Volumina legum Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae*. Petersburg, 1859. Vol. 2. S. 83, 86.

⁷² Аналогичный процесс проходил синхронно в XV—XVI вв. и в Русском государстве, и в Польше (*Кобрин В. В. Генеалогия. . .* С. 96), что указывает на его несомненную зависимость от социальных сдвигов, характерных для периода позднего средневековья на славянских землях.

В ходе «выводов шляхетства», т. е. поиска доказательств на подтверждение своих сословных привилегий, мелкое боярство распадается на тех, кто «с роду суть бояры» (прирожденные отчичи), и бояр-слуг (подлейшие бояры),⁷³ составлявших низший разряд военной служилой прослойки. Бояре-слуги (famuli, sodales, servitores), пользуясь как великокняжескими, так и частновладельческими землями, но будучи неспособными «за великими упадками своими» к военной службе, переходят в зависимость от государственных либо частновладельческих⁷⁴ замков, выполняя для них тягловые повинности по укреплению оборонительных сооружений, полевой стороже, развозке почты и проч. С окончательным расщеплением боярства бояре-слуги все больше подчиняются замковой администрации, постепенно теряя на протяжении XVI в. остатки сословных привилегий и сближаясь с владельческими либо старостинскими крестьянами.⁷⁵

Типы распространенных на Правобережной Украине XVI в. боярских именовании представлены в табл. 2. Как и в табл. 1, каждый

Т а б л и ц а 2

Тип именовании	Волянь			Киевщина			Брацлавщина	
	1528 г.	1565 г.	1567 г.	Овруч, 1552 г., 1571 г.	Житомир, 1545 г., 1552 г.	по воен. волостям, 1581 г.	1529 г.	1569 г.
Патроним от имени	10	3.5	4.5	34	18.5	10.5	12	12
Прозвище и патроним от прозвища	36	26.5	26.5	56	44.5	53	41	20.5
Топоним	50	69.5	68	10	37	36.5	38.5	65.5
Описательное именование типа «N из N»	4	0.5	1	—	—	—	8.5	2

тип подан в процентах к общему количеству родовых имен по отдельно взятой территории в конкретный период. Количественные показатели использованных именовании⁷⁶ следующие: Волянь, 1528 г. — 194 родовых именовании, 1565 г. — 144, 1567 г. — 187; Киевщина: Житомир (1545, 1552 гг.) — 27, Овруч (1552, 1571 гг.) — 135, по

⁷³ Для обозначения первых термин «бояре» вытесняется более точным социальным определением «земляне» (шляхта); вторые же продолжают именоваться «боярами», что с середины XVI в. последовательно обозначает только бояр-слуг.

⁷⁴ Например, при замках Черторийских в Литовиже и Клевани в 1547 и 1555 гг. упоминается 12 боярских сел: Заболотцы, Ракулин, Сердятычи, Наврятин, Борки, Селец, Житанп, Мстишин, Шепле, Исери, Холопы, Чаруков (Архив ЮЗР. Ч. VIII, т. 4. С. 31, 38).

⁷⁵ В частности, о перипетиях борьбы овручских бояр за независимость от замковой администрации и причисления к землянскому сословию см.: Антонович В. Б. Содержание актов об околичной шляхте // Архив ЮЗР. Ч. IV, т. 1. С. 1—62.

⁷⁶ Подсчитывались, как и выше, не отдельные лица, а родовые (семейные) группы одного именовании, исключая княжеские.

воеводству (1581 г.) — 85; Брацлавщина: 1529 г. — 49,⁷⁷ 1569 г. — 58 именованій.

Итак, наиболее существенные изменения на протяжении XVI в. произошли в двух типах именованій: патронимах, образованных от личных имен, и топоантропонимах. О природе последних, как и об основных причинах их возникновения, было сказано выше. К середине XVI в. процесс образования владельческих фамилий приобретает массовый характер: топонимические именованія поглощают не только патронимы от имен, как не обладающие ярким отличительным признаком, но и прозвища.⁷⁸ При этом если маловыразительный отыменный патроним терялся сразу, то прозвище, как правило, могло долго оставаться в двойной фамилии, объединявшей и древнее родовое прозвание, и владельческий признак. Например, Кирдеевичи распадаются в XVI в. на Кирдеев-Мыльских (Мыльск), Кирдеев-Козинских (Козин) и Кирдеев-Мнишинских (Мнишин); Еловичи — на Ело-Малинских (Малин) и Ело-Букоемских (Букойма); Гулевичи — на Гулевичей-Воютинских (Воютин), Гулевичей-Дрозденских (Дроздень), Гулевичей-Букоемских (Букойма), Гулевичей-Перекальских (Перекаль) и Гулевичей-Цемовских (Цевов); Кисели — на Киселей-Низкиницких (Низкиниччи) и Киселей-Дорогиницких (Дорогиниччи) и т. д. Подобный двойной способ именованія, первые проявления которого замечаются еще в XV в.,⁷⁹ практикуется не только при разветвлении родов, но и для уточнения родового прозвища владельческим определением, являясь переходным этапом к окончательному оформлению топонимических фамилий: Борейко-Кнерутский, Борзобогатый-Красенский, Ворона-Боратинский, Коровай-Селецкий, Медведь-Залесский, Обух-Вошатинский, Постяник-Угровецкий, Русин-Берестецкий, Хмара-Миловский, Чаплич-Шпановский, Чуват-Туличовский, Шишка-Ставецкий и др.

Как свидетельствуют цифры, приведенные в табл. 2, увеличение количества владельческих фамилий на Волини происходит в первую очередь за счет исчезновения отыменных патронимов.⁸⁰ Вдвое со-

⁷⁷ Подсчеты проведены по реестру татарской сторожи, выставляемой шляхтой пограничной полосы между Восточным и Западным Подолем (ZD. S. 144). Кроме 49 именованій, включающих помимо имени родовое прозвание или описательное именованіе типа «Washuta de Iwanowcze», в нем значатся 12 человек только под именами: Mythko, Carp, Demko и проч.

⁷⁸ Ср. образование фамилий волиньской шляхты: потомки Ленка Зарубича (данина 1433 г. на Вандругу) — Андрузские, Ивана Мушаты (данина 1430 г. на Склень) — Скленские, Сенка Хомяка (отчина 1452 г. в Смордове) — Смордовские, Андрея Барсана (отчина конца XV в. в Жоравниках) — Жоравницкие, Костюшка Толмача (отчина 1518 г. в Хоболтове) — Хоболтовские (Южнорусские грамоты. . . С. 126; АЮЗР. Т. 1. С. 11; Українські грамоти XV ст. С. 38; Архив ЮЗР. Ч. VIII, т. 4. С. 193, 346) и др.

⁷⁹ Например: Опанас Бобина-Хмелевский, владелец выслуги на Хмелеве 1476 г. (Архив ЮЗР. Ч. VIII, т. 4. С. 154).

⁸⁰ Ср. уменьшение в волиньских «пописках» 1528, 1565 и 1567 гг. количества именованій типа Федор Охримович, Дахю Василевич, Томко Сенкович, Иван Гапонович, Лецько Иванович и т. п. В присяжном реестре Луцкого повета 1569 г. их всего четыре на 112 родовых прозваний (Архив. ЮЗР. Ч. II, т. 1. С. 4—17).

кращается и количество прозвищ. Но если последние как своеобразный фамильный раритет все-таки сохраняются за отдельными родами (Балабан, Бокий, Болбас, Гулевич, Дчуса, Ласко, Русин, Хорошко, Чаплич), то патронимы от имени в среде шляхты-землян крайне редки. Ими обозначены, как правило, бояре-слуги и мещане. Во второй половине XVI в. отыменным патронимам здесь уже придается выразительный социальный колорит, указывающий на нешляхетское происхождение и сохраняющийся в подобных фамилиях впоследствии.

Незначительный процент описательных именованний типа «N из N», встречающийся в волыньских шляхетских реестрах, является калькой латинской конструкции «N de N», заимствованной через посредничество польского актового языка. О том, что она не прижилась в украинском именовании, свидетельствует ее полное отсутствие в киевских реестрах. Что касается использованного нами брацлавского списка 1529 г., то он в данном случае непоказателен, так как составлен по-латыни.

В этом же направлении эволюционирует фамильное именование на юге Правобережья — в Брацлавщине. Если в начале столетия здешние родовые прозвания тяготеют к киевскому типу, т. е. состоят преимущественно из прозвищ, то позже, судя по присяжному списку 1569 г., брацлавская шляхта, подобно волынской, отдавала явное предпочтение владельческому именованию. При этом чрезвычайно характерно, что из 38 шляхетских фамилий топонимического типа, упомянутых в реестре и составляющих 65.5 % общего количества именованний землевладельцев, 37 (!) образовано от названий местных поселений,⁸¹ и только одна (Богдан Янчинский), судя по звучанию, могла принадлежать представителю польской шляхты. Данные антропониими позволяют снова вернуться к ошибочному тезису А. Яблоновского о решающей роли «польского плуга» в заселении Брацлавщины, якобы пустовавшей до Люблинской унии.⁸² Преобладание прозвищ в родовых именованьях брацлавских земель первой трети XVI в. еще раз подтверждает, что исконными осадниками южных окраин Литовско-Русского государства были местные «подлейские бояре»,⁸³ т. е. потомки рядовых княжеских дружинников, наследственный владельческий статус которых утвердился, как и на остальных территориях Правобережья, за 2—3 поколения до унии, что в конечном итоге привело к замене старых прозвищ владельческих фамилиями.

Этот процесс не обошел также и Центральное Правобережье — Киевщину, где основным резервом для образования владельческих фамилий стали патронимы от имени, количество которых к концу

---

⁸¹ Например, Семен Дешковскій — Дешковцы, Мишко Пятничанский — Пятничаны, Семен Ободенский — Ободное, Иван Зъяловский — Зъялов и проч. (ZD. S. 101—105).

⁸² *Jablonowski A.* Pisma. Warszawa, 1910. S. 410.

⁸³ *Антонович В. Б.* Киев, его судьба и значение с XV по XVI столетие (1362—1569) // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 252.

столетия уменьшилось почти втрое (ср. данные 1581 г.). Однако свыше половины киевской шляхты в отличие от соседей по-прежнему именовалось прозвищами. Необходимо отметить, что состав киевской шляхты-землевладельцев к середине XVI в. был значительно однороднее волынского. В частности, здесь отсутствовали магнаты и «паны хоругвовные, которые не судятся в поветах».⁸⁴ Задержка прозвищного типа именования землевладельцев на Киевщине несомненно связана с односоставностью здешней шляхты, она дополнительно подтверждает наличие архаичных особенностей развития социальных отношений в данном регионе, уходящих корнями в древнерусские традиции. В этом плане особенно характерна длительная сохранность патронимических именований в среде мелкого овручского землянства,⁸⁵ до конца XVI—начала XVII в. сохранявшего пережиточные элементы патриархального землевладения дворничного типа, в основе которого лежала кровная связь и территориальная целостность поселения.⁸⁶ Рудиментом боярских патронимий являлись, в частности, поселения, состоявшие из членов родственной группы, обозначенной общим патронимом, который давал название и самому селу: Гапоновичи, Дорочичи, Барановичи, Васьковичи, Левковичи, Ущановичи и проч.⁸⁷ Землевладение таких боярских сел осуществлялось на основе сябринных форм собственности, установленных за каждой малой семьей «по жеребеку», а члены семьи именовались традиционно общим патронимом либо прозвищем.⁸⁸ В борьбе с замковой администрацией, пытавшейся привлечь овручскую околичную шляхту к выполнению тягловой службы, отдельные боярские семьи добиваются индивидуальных королевских привилегий-гарантий на подтверждение за ними их же собственных сел.⁸⁹ С течением времени они также присваивают себе топонимические фамилии на -ский: бояре с. Барановичи — Барановские, с. Васьковичи — Васьковские, с. Невмиринцев — Невмирицкие, с. Кобылина — Кобылинские и проч. Однако эти владельческие фамилии еще долго носят вторичный характер, так как за каждым официальным именованием владельческого типа кроется несколько родовых гнезд, которые в обиходной практике различают себя, как и прежде, при помощи патронимов.⁹⁰

⁸⁴ Клепатский П. Г. Очерки. . . С. 539.

⁸⁵ Об особенностях общественного быта овручского боярства см.: Антонович В. Б. Содержание актов об околичной шляхте. С. 1—62.

⁸⁶ Купчинский О. А. Найдавніші слов'янські топоніми. . . С. 28.

⁸⁷ Вариант названия села мог быть и апеллятивным, повторяя прозвище представителей данной родственной группы. Например: селам Закусилы, Пашини, Невмиринцы, Недашки и проч. соответствовали одноименные боярские прозвания: Закусило, Пашина и др.

⁸⁸ Например, «бояре Коркошкин», «бояре с Бехов» (Беховичи), «бояре Кубылинские» (Архив ЮЗР. Ч. IV, т. 1. С. 37; *ЇД*, S. 44).

⁸⁹ Такие привилегии в течение XVI в. получают Левковичи, Геевичи, Макаревичи, Бехи, Мошковичи, Болсуновичи и др. (Архив ЮЗР. Ч. IV, т. 1. С. 1—34).

⁹⁰ Например, в акте копного суда 1629 г. упомянуты следующие шляхтичи-участники: Мартин Данилович, Антон Романович, Федор Есипович, Ничпор Михайлович, Антон Борисович Исаевичи Каленские; Яцко Денисович, Клирик

В заключение хотелось бы отметить такой важный прикладной аспект антропонимики в историко-географических исследованиях, как использование топоантропонимов для реконструкции названий тех населенных пунктов, упоминания о которых в других источниках данного периода отсутствуют. С данной целью нами проанализировано 8 реестров шляхты 1528—1569 гг. (табл. 3). Исходя из тезиса о том, что в XVI в. топоантропоним можно считать ономастической единицей, равноценной топониму, лежащему в его основе, мы выделяли фамилии владельческого типа и сопоставляли их с номенклатурой поселений, зафиксированных по другим источникам ко времени составления конкретного реестра. Это дало возможность установить факт стабильного существования уже в первой половине XVI в. множества поселений, впервые зафиксированных только в налоговых реестрах 1570—1580-х гг., которые благодаря своей репрезентативности традиционно считаются исходным пунктом для историко-географических исследований. Цифры, поданные в табл. 3, указывают, как и выше, не на количество отдельных лиц, а на количество семейных групп, носящих определенные фамилии.

Как видно из табл. 3, анализ топоантропонимических именованных феодалов позволяет дополнительно нанести на карту украинских земель рассматриваемого периода значительное количество населен-

Т а б л и ц а 3

Вид реестра	Дата	Число именованных, обозначенных топоантропонимом	Число поселений на украинских землях, реконструированных из топоантропонимов		
			всего	впервые упомянутых в данной фамилии	единственный раз упомянутых в данной фамилии до 70—80-х гг. XVI в.
Переписи литовско-русского войска (украинские земли)	1528	97	97	38	5
	1565	112	112	8	3
	1567	156	156	27	27
Поветовые присяжные списки:	1569				
Кременецкий		17	17	—	—
Лудский		82	82	12	12
Брацлавско-Винницкий		38	38	5	5
Реестр войска И. Тарновского ^а	1531	104	50	16	10
Реестр отряда Ф. Кмиты ^б	1567	41	20	12	10
Итого		647	572	118	72

^а Kolankowski L. Rycerstwo Obertyńskie 1531 r. // Ziemia czerwieńska. Lwów, 1938. R. IV, z. 1. S. 48—85. ^б БАН Литовской ССР, отд. рукописей, ф. 16, д. 3, л. 83—94; микрофотокопия: ЦГИА УССР в г. Киеве, кмф. 33, № 35, л. 83—94.

Богданович, Василь Трохимович Еськовичи Каленские (Архив ЮЗР. Ч. IV, т. 1. С. 76—87).

ных пунктов, неизвестных из прямых источников. Подобное толкование владельческих фамилий, сконцентрированных в реестрах, дает возможность говорить о не использованном до сих пор своеобразном статистическом источнике — выборочных перечнях поселений, содержащих ценные сведения для анализа историко-географической ситуации.

В настоящей статье, авторы которой претендовали скорее на постановку проблемы, нежели на ее решение, затронут один из вопросов причинности украинской антропонимии конца XIV—XVI в. Изложенные выше наблюдения позволяют, по нашему мнению, сформулировать следующие предварительные выводы.

1. Формирование фамилий на Украине, начавшееся в феодальной среде с середины XV в. и завершившееся к концу XVI в., являлось следствием развития юридических норм взаимоотношений личности и государства, в первую очередь оформления земельного права и формирования единого правового статуса привилегированного класса.

2. Исходной базой шляхетско-боярских фамилий украинского происхождения стала древнерусская традиция именования, которая видоизменялась в зависимости от новых условий общественно-политического развития украинских земель.

3. Характер фамилий, сложившихся на Украине в среде господствующего класса, вполне самобытен; в процессе их формирования решающую роль сыграло не заимствование иноземного типа шляхетских именований, а особенности социального быта конкретных регионов Украины.

Подробное изучение шляхетской антропонимии с учетом ее обусловленности явлениями общественного порядка позволило бы расширить наши представления о времени и характере процесса закрепощения крестьянства, непосредственно связанного с развитием шляхетских вольностей и раздачей свободных земель, о начальных этапах зарождения и развития вотчин (при отсутствии документальных источников, освещающих этот процесс), о живучести традиций и тенденций, унаследованных от древнерусских времен, среди различных прослоек общества, о синхронности развития общественных отношений в отдельных регионах Украины и неправомочности традиционного представления об отставании правобережных земель от территорий, входивших в состав Польского государства.

М. С. ЧЕРЕБАСОВА

ДРЕВНЕЙШАЯ ЯРОСЛАВСКАЯ ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА XIV в.

Дошедшие до нас ранние русские грамоты немногочисленны и в количественном отношении неравномерно распределяются по разным землям Руси. Наибольшее количество актов, существенно пополняемое и берестяными грамотами, сохранилось по Новгородской